

УДК 821.161.1-3Грин

**РАССКАЗ А. С. ГРИНА «ОТРАВЛЕННЫЙ ОСТРОВ»:
ТЕКСТ И ПОДТЕКСТ***Валентина Мусий, д-р филол. наук, проф.**Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
urd7@ukr.net*

Цель статьи определить характер воплощенной в рассказе А. С. Грина «Отравленный остров» авторской концепции действительности с помощью изучения объектной и субъектной сторон этого произведения. Автор сосредоточил внимание на двух планах рассказа Грина — плане текста и плане подтекста. Исследуется структура текста, устанавливается связь между объемом глав и их местом в раскрытии авторской концепции, определяется роль цикличности и инверсии в тексте. Делается вывод о ведущей роли субъектных отношений в рассказе Грина. Исследуется место в нем оппозиций «свое — чужое», «цивилизация — идиллия». Анализ символики названия рассказа и подтекста в нем позволяет выделить универсальный смысл решаемых в рассказе проблем, а также судить о близости рассказа к притче.

Ключевые слова: *текст, подтекст, рассказ, авторская концепция действительности, субъектные и объектные отношения, А. С. Грин.*

Цель статьи — определить характер воплощенной в рассказе А. С. Грина «Отравленный остров» авторской концепции действительности на основе изучения объектной и субъектной сторон этого произведения.

Степень разработанности вопроса в литературоведении и постановка проблемы. К настоящему времени накоплен значительный опыт изучения творчества А. С. Грина. Опубликованы работы общего характера, в которых проза этого писателя представлена как составляющая литературного процесса начала XX века: Д. К. Царика «Типология неоромантизма» (Кишинев, 1984), В. Е. Ковского «Реалисты и романтики. Из творческого опыта русской советской классики» (М., 1990), а также исследования, непосредственно посвященные творчеству А. С. Грина: монографии И. К. Дунаевской «Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина» (Рига, 1988), Е. Литвинова «Proza Aleksandra Grina» (Познань, 1986), в которых идет речь об эстетической программе писателя, вневременном характере решаемых им проблем, сочетании им элементов реалистической и модернистской прозы. Важные положения содержатся в статьях А. Кобзева, Т. Ю. Диковой, других авторов. Однако приходится при-

знать, что целый ряд аспектов художественной деятельности этого писателя остается неразработанным или же мало разработанным. В особенной степени это относится к его малой прозе.

Придерживаясь понимания текста как «закрытой системы сложной внутренней организации, все элементы которой находятся в тесном взаимодействии и ориентированы авторской точкой зрения на передачу определенной эстетическо-познавательной информации» [2, с. 5], постараемся определить особенности объектной и субъектной сторон рассказа А. С. Грина «Отравленный остров» (1916). Это небольшое по объему произведение, текст которого разделен на четыре части, примерно равные по объему (по 3 страницы), и только заключительная, четвертая часть занимает 5,5 страницы. Так, на формальном уровне, автор подчеркивает ее особую значимость в постижении смысла всего произведения.

Первая из частей текста содержит информацию о случившемся с жителями острова несчастье: все они были найдены отравленными, кроме двух детей и одного взрослого, которого усилиями обнаруживших его моряков удалось спасти. Приводится информация о расположении острова (в южной части Тихого океана), об истории его открытия, дается краткое его описание. Включение в нее выписки из судебного журнала, текста доклада капитана Тарта и написанного соком какого-то растения предсмертного письма обитателей острова усиливает предельно лаконичный и документальный стиль этой части текста. Из второй части читатель узнает о ничего не давших для прояснения причины массовой гибели людей расспросах вывезенных с острова детей, а также о выдвинутых следствием и поддержанных газетчиками версиях случившегося. Третья часть содержит сообщение о попытке ученого, посвятившего значительную часть своей жизни изучению самоубийств, дать объяснение случая массового отравления, а также письмо капитана Брамса о его пребывании на острове за два месяца до гибели его населения. И, наконец, в четвертой приведен рассказ о случившемся последнего из взрослых островитян Скоррея.

Как следует из этого краткого изложения, текст рассказа представляет собой описание нескольких пребываний на острове людей «большого» мира и попыток дать объяснение тому, что на нем произошло. В тексте преобладает цикличность, обусловленная тем, что все время повторяются основные ситуации (посещение острова и

мотивировки трагедии). Важную роль в тексте играет также инверсия: рассказ начинается с сообщения о добровольном уходе из жизни обитателей острова (1 часть), а затем (из 3 и 4 частей) читатель узнает о событиях, которые предшествовали ему. Главное место в мотивировке случившегося играют рассказы капитана Брамса и последнего из островитян Скоррея. На основании этого мы делаем вывод о том, что ведущая роль в выражении воплощенной в рассказе авторской концепции принадлежит не объектным, а субъектным отношениям. Значимость исследования модусного плана произведения, то есть содержащихся в нем мыслей и восприятий происходящего различными субъектами речи, отмечалась многими учеными (В. В. Виноградовым, Г. А. Гуковским, М. М. Бахтиным, Б. А. Успенским, Б. О. Корманом, В. И. Тюпой и т. д.). Предлагая свое определение содержания «текст», В. П. Руднев исходит из наличия в нем именно субъектного плана. Для него это не только система, «обладающая свойствами связанности и цельности», но, в первую очередь, «последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединенных общей темой» [4, с. 305].

Если систематизировать все выраженные в рассказе А. С. Грина точки зрения, то выстраивается семантическая оппозиция «мы — они», а, следовательно, «свое — чужое». Жители континента стараются применить свой опыт и свою систему оценки явлений действительности к населению острова. У них преобладает логика «здорового смысла», о которой повествователь замечает, что ее «следует избегать, как чумы, в отношении некоторых явлений» [3, с. 367]. В свою очередь, островитяне оценивают происходящее в «большом» мире с позиции коллектива, находящегося в синкретическом родстве с окружающим. Различие их точек зрения подчеркивается замечанием, предваряющим изложение стенографической записи рассказа Скоррея, о том, что «самый язык рассказчика до такой степени непохож на нашу манеру мыслить и выражаться... что мы нашли нужным дать этому показанию общую литературную форму...» [3, с. 372]. Наиболее ярко оппозиция «мы — они» проявляется в третьей и четвертой частях текста рассказа, в которых изложены текст письма капитана Брамса и рассказ Скоррея, проливающие свет на трагедию, и содержатся точки зрения, которые находятся в диалогических отношениях и которые ведут читателя к уяснению воплощенной в рассказе авторской концепции действительности. Представляется, что именно

такого рода высказывания имел в виду М. М. Бахтин, когда писал, что «отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении» они «обнаруживают диалогические отношения», поскольку между ними есть «смысловая конвергенция» [1, с. 321].

Текст письма капитана занимает большую часть третьей главы рассказа. В нем подробно отписываются вид острова, история, облик и быт его населения. Капитан вспоминает, как рассказывал этим «жизнерадостным» и «гостеприимным» людям о «великих делах мира, изобретениях и титанической борьбе...» [3, с. 370]. Как он и ожидал, его слова «потрясли» слушателей. Он замечает: «Люди с Луны или с Марса, попади они на землю, не вызвали бы такого убийственного интереса к себе, как мы...» [3, с. 371]. Главным образом он передавал недавние военные события, сведения о «гениальных завоеваниях человека в области воздухоплавания, радио, химии, морской и артиллерийской техники». «Я, — вспоминает Брамс, — нарисовал им возможно полную картину гигантской борьбы девяти государств, представив все ее крупнейшие события, ее план, ход, темп, технические и моральные средства, пущенные в ход противниками... Я описывал им внешность дредноутов, цеппелинов, аэропланов, бетонных окопов и бронированных фортов, приводя слушателей в трепет весом шестнадцатидюймового снаряда или размерами земляной воронки после взрыва бомбы, способной смести деревню» [3, с. 371]. Все это время капитан Брамс испытывал «невольное чувство гордости» за достижения цивилизации и превосходство над «полуробинзонами». Он признается, что заранее предвкушал, «как должен поразить этих людей» его рассказ [3, с. 370]. Итак, третья глава содержит точку зрения человека «большого» мира на развитие военной и технической мощи человечества. Восхищение всем, что касается этого мира, проявляется в эпитетах, которыми насыщена его речь: «**великих** делах мира», «**титанической** борьбе», «**гигантской** борьбы», «**миллионных** армий», «**гениальных** завоеваниях». Применительно же к островитянам он говорит: «**славную** рожицу», «глазом... **наивным**», «**простое** платье», «**прост и величественен**... свадебный обряд», «**жизнерадостных и гостеприимных** людей». Итак, с одной стороны, грандиозность и мощь, с другой — простота и естественность.

Четвертая часть рассказа, в которой передается рассказ Скоррея о последовавших после посещения моряками острова событиях, тоже

строится на этой же оппозиции: «мы — они». Для островитян происходящее «ныне в больших странах» [3, с. 373] — «чужое». О себе же они судят так: «...мы, отрезанные от всего мира, ничего не знающие, невинные, теряющие рассудок...» [3, с. 375]. Их угол зрения на «большие страны» противоположен тому, что принадлежит капитану Брамсу. Люди дологического типа миропонимания со свойственной им эмоциональностью и высоким уровнем возбудимости, которым до тех пор был знаком только «плеск волн и шелест цветущих веток», узнали о пережитой Европой страшной войне. Им оказалось недоступным чувство восторга перед оружием. Напротив, рассказы о нем их ужаснули. «Мы, — сообщает Скоррей, — узнали, что люди летают стаями на крылатых машинах, бросая сверху бомбы в корабли, дома и леса. Мы узнали, что посредством особого удушливого ветра сжигают легкие десяткам тысяч солдат, и многое другое». Но главное, что теперь неотступно поселилось в их сознании — это вопрос: «не повторится ли снова такая же война» [3, с. 372]. Склонные, как и все туземцы, к аффективной напряженности общения, островитяне уже не могли найти покоя. В их воображении все небо было покрыто «быстро несущимися таинственными кораблями», они явственно слышали «гул и свист, удары и протяжный звон колоколов», видели «темные громады судов неизвестной национальности, преследующие друг друга» [3, с. 374, 375]. Безусловно, подобная мотивировка массового самоубийства людей, испугавшихся возможной встречи с «большим» миром, свидетельствует об антивоенной направленности рассказа А. С. Грина. И здесь обращает на себя внимание его название. Известно, что в первой публикации оно было другим: «Сказка далекого океана». В дальнейшем автор перенес акцент с мотива сказочности и совершенства устройства жизни на острове на мотив его гибели. Однако, согласно законам русского языка, он должен был называться «Отравившийся остров». Используя форму страдательного, а не действительного (как должно быть) причастия, писатель ориентировал читателя на поиски внешних причин гибели людей. Это усиливает значимость подтекста, «намеренно словесно не выраженного автором смысла, создающего определенный эмоционально-экспрессивный оценочный фон», имплицатуры, его подразумеваемого смысла [2, с. 13]. Отвечая на заложенный в подтекст вопрос о мотивах случившегося, читатель неизбежно приходит к выводу о том, что главной причиной невозможности дальнейшего существо-

вания для островитян было движение цивилизации. При этом, хотя и имеющий исключительно трагический характер, но единичный факт массового ухода из жизни всего населения острова приобретает субстанциальный смысл и обнаруживается, что оппозиция «мы — они» имеет частный характер. Фундаментальный же ценностно-смысловой характер получает оппозиция «цивилизация — гармоничность мироустройства». Оценка цивилизации в значительной степени оказывается близкой той, что принадлежит Освальду Шпенглеру. Немецкий историк культуры и философ, автор «Заката Европы» исходил из того, что культура, понимаемая как реализация творческого духа народа, неизбежно входит в стадию цивилизации, нивелировки духовных ценностей усилением рационализации жизни, ведущей, в свою очередь, к деградации. В результате история затерянного населения острова, о котором стало известно лишь после его массового добровольного отравления, приобретает в рассказе А. С. Грина универсальный характер, заставляет задуматься об общечеловеческих ценностях и их судьбе. Сам же рассказ приобретает признаки притчи. Притча, касающаяся коренных проблем мироустройства, как и басня, хрия, аполог, принадлежит художественно-риторической группе жанров. В ее основе — миф. Применительно к рассказу А. С. Грина «Отравленный остров» это, безусловно, миф о Золотом веке, о неизбежности утраты первоначальной гармонии в результате вторжения в жизнь пребывающих в состоянии идиллической простоты людей того, что представляет мир цивилизации и приходит извне.

Заключающие рассказ А. Грина строки не дают читателю возможности однозначного толкования случившегося. Стенограф, записавший рассказ Скоррея, позволил себе следующее замечание: «Это были самые счастливые люди на всей земле, убитые эхом давно отзвучавших залпов, беспримерных в истории» [3, с. 376]. В этом замечании выражено не только сожаление об уходе из жизни «самых счастливых людей», но и признание бессмысленности их ухода: их убили залпы войны, которой уже давно не было. А потому и уход уже не имел смысла. Историю останавливать бессмысленно. Автору рассказа не присущ руссоизм. Но развиваться история человечества должна так, чтобы не создавалась основа для гибели народов, будь это массовые самоубийства или же массовые военные убийства. Подобный вывод формируется в читателе как организацией структуры текста, так и заложенным в нем подтексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Гореликова М. И. Лингвистический анализ художественного текста / М. И. Гореликова, Д. М. Магомедова. — М.: Русский язык, 1989. — 152 с.
3. Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. / А. С. Грин. — М.: Правда, 1980. — Т. 6. — 496 с.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — М.: АГРАФ, 1998. — 384 с.

ОПОВІДАННЯ О. С. ГРИНА «ОТРУЄНИЙ ОСТРІВ»: ТЕКСТ І ПІДТЕКСТ

Валентина Мусій, д-р філол. наук, проф.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

Мета статті — визначити характер втіленої в оповіданні О. С. Гріна «Отруєний острів» авторської концепції дійсності за допомогою вивчення об'єктної і суб'єктної сфер цього твору. Автор зосередив увагу на двох планах оповідання Гріна — плані тексту і плані підтексту. Досліджується структура тексту, встановлюється зв'язок між обсягом глав і його місцем в розкритті авторської концепції, визначається роль циклічності оповідання і інверсії в тексті. Робиться висновок про провідну роль суб'єктних стосунків в оповіданні Гріна. Досліджується місце в ньому опозицій «своє — чуже», «цивілізація — іділія». Аналіз символіки назви оповідання і підтексту у творі дозволяє уявити універсальний сенс проблем, до яких звернувся письменник, а також знайти ознаки притчі в «Отруєному острові».

Ключові слова: текст, підтекст, оповідання, авторська концепція дійсності, суб'єктні і об'єктні стосунки, О. С. Грін.

A. S. GRIN'S STORY «THE POISONED ISLAND»: TEXT AND IMPLICATION

Valentina Musiy, prof., DrSc (Philology)

Odessa I. I. Mechnikov National University

The article is devoted to the investigation of such phenomenons as text and subtext (the implication). The aim of the article is to determine the nature of author's conception of reality, embodied in the story by A. S. Grin «The Poisoned island» (1916). Attention is concentrated on the objective and subjective levels of text of the work. Text of A. S. Grin's story is divided into four parts. From the first two parts the reader learns about the tragedy of an unknown island, all inhabitants of which, excepting two children, voluntarily died (they poisoned). The fourth part contains an explanation of this tragic situation. Due to seamen, who got to the island, one of the residents of the island was saved. He told about

the cause of mass suicide. This part is the most important in the content of the story. Therefore, it is more other volume (5,5 pages). Text of the story is characterized by circularity and presence of inversion, too. But the main role in the story belongs to the subjective relations. A. S. Grin includes in the text of the story several points of view on the tragedy in the island. Their classification helps to highlight semantic opposition «civilization — idyll» as the main and «we — they», «own — alien» as the private. The resident of «large world» of civilization is proud of soldiery and technical successes. Residents of idyll world have a fear before the destructive capacity of military technique. The presence of the opposition «civilization — idyll» makes evident the universal sense of the problems, which were addressed by the author of the story to it's readers. In the process of investigation of Grin's conception author of the article dwells on the semantics of title of the story. The first title, under which the story was printed for the first time in 1916, was «The Tale of the Distant Ocean». The second title — «The Poisoned Island». It means that A. S. Grin focused reader's attention on the causes of death of people in the island because of external factors. The story refers to the fact that residents of the fabulous «Golden age» learned about the big world of other continents and countries and this knowledge scared them so much that they were afraid of possible destructive encounters with the «big world». In their world were peace and harmony in a great world — war, disharmony, violence. In the article A. S. Grin's conception of reality is compared with O. Spengler's conception in the «Sunset of Europe». They are close in understanding of civilization as the last stage of culture, which is characterized by the degradation. All this helps to understand the analysis of subjective level and subtext in the story by Alexander Grin. The author of the article makes a conclusion about the proximity of the story o the parable.

Key words: *text, implication, story, author' conception, objective and subjective levels of the text, A. S. Grin.*

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. (1986), *Jestetika slovesnogo tvorcestva [The Aesthetics of Verbal Art]*, Iskusstvo, Moscow [in Russian].
2. Gorelikova, M. I. and Magomedova, D. M., (1989). *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta [Linguistic analysis of artistic text]*, Russian Language, Moscow [in Russian].
3. Grin, A. S (1980), *Sobranie sochinenij [Collected works]*, (Vols. 1–6), Pravda, Moscow [in Russian].
4. Rudnev, V. P. (1998), *Slovar' kul'tury XX veka [Dictionary of culture of XX century]*, AGRAF, Moscow [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 10 лютого 2016 р.